

© 2012 г.

А.Ю. ВАТЛИН

ШТАРНБЕРГСКАЯ КОММУНА: НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ БАВАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1919 года

Город Штарнберг расположен в предгорьях немецких Альп. Живописное озеро, давшее имя городу, уникальный климат и близость баварской столицы – Мюнхена, привлекают не только тысячи курортников со всего мира, но и немецких пенсионеров с тугими кошельками. В Штарнберге, как гордо сообщают путеводители, самый высокий процент миллионеров на душу населения во всей Германии. Помпезные виллы эпохи “грюндерства” соседствуют с приватными яхт- и гольфклубами, где проводят время остатки имперской аристократии и представители предпринимательской элиты. Народ попроще заполняет места в прибрежных ресторанах, а при хорошей погоде целыми семьями устремляется в кристально чистые воды озера, которые бороздят сотни лодок и катеров. Кажется, здесь остановилось время и ничто не в состоянии изменить раз и навсегда заведенный образ жизни отдыхающих.

Почти невозможно представить себе, что в этом курортном уголке весной 1919 г. происходили грозные революционные события. Речь идет о кратком периоде существования в Баварии Советской республики, провозглашенной по образу и подобию Советской России¹. Ее власть распространялась не только на баварскую столицу, но и на всю Верхнюю Баварию, раскинувшуюся к югу от Дуная. Если о Мюнхенской коммуне сохранилось много воспоминаний ее руководителей и участников², то установление и падение советской власти на местах, в мелких городках и деревнях альпийских предгорий, осталось почти незамеченным и современниками, и историками.

А ведь в этих событиях, на первых взгляд относящихся к “микроистории”, проявились как общие черты политической борьбы на завершающем этапе неудавшейся

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Эта проблема активно разрабатывалась в историографии СССР и ГДР: *Zastenker H.E.* Баварская советская республика. М., 1934; *Beyer H.* Von der Novemberrevolution zur Raeterepublik in Muenchen. Berlin, 1957. Пионером западной историографии баварской революции был американец А. Митчелл: *Mitchell A.* Revolution in Bayern 1918/1919. Die Eisner Regierung und die Raeterepublik. Muenchen, 1967. Ныне о советской республике в своем городе не помнят даже мюнхенцы, если не считать группы левых интеллектуалов, устроивших в 2009 г. празднование ее 90-летия (www.raeterevolution.de). Остается надеяться, что приближающийся вековой юбилей германской революции вызовет подъем интереса к ее истории, прежде всего среди молодого поколения исследователей.

² *Вернер П.* Баварская советская республика. М., 1924; *Будих-Дитрих В.* Мюнхенские коммуны. М., 1929; *Wollenberg E.* Als Rotarmist vor Muenchen. Berlin, 1929; *Hofmiller J.* Revolutionstagebuch 1918/19. Aus den Tagen der Muenchner Revolution. Leipzig, 1939; *Muehsam E.* Von Eisner bis Leviné. Die Entstehung und Niederlage der bayrischen Raeterepublik. Ein Bericht. Hamburg, 1976; *Umsturz in Muenchen.* Schriftsteller erzahlen die Raeterepublik. Muenchen, 1988.

германской революции, так и местная специфика, без понимания которой историческая наука теряет свою гуманитарную основу, превращаясь в “социологию прошлого”. Более того в ходе исследования возникают очевидные параллели с логикой развертывания российской революции 1917 г., что позволяет воспользоваться методикой сравнительного анализа.

Попытка реконструировать историю советской власти в Штарнберге, просуществовавшей всего три недели, опирается на источниковую базу, сохранившуюся благодаря счастливому стечению обстоятельств. Правительственные войска и отряды “фрайкора” (корпуса добровольцев), наступавшие на Мюнхен с юга и почти не встречавшие сопротивления, детально документировали свой боевой путь, лежавший через Штарнберг. В годы нацизма эти отчеты легли в основу активно пестовавшегося мифа о том, что армия, преданная демократами в годы Первой мировой войны, все-таки спасла Германию от “красной чумы”³. Показательный характер носил и суд над руководителями Штарнбергской коммуны, материалы подготовки которого включают в себя допросы обвиняемых и свидетелей, комментарии прессы и официальные документы советской власти в этом баварском городке⁴.

* * *

В начале XX в. население Штарнберга не превышало 10 тыс. человек; большую его часть составляли ремесленники и лица, обслуживавшие курортников. Первая мировая война оставила свой след в жизни города – резко сократился поток туристов, был закрыт единственный в Европе бассейн с искусственными волнами, выстроенный в 1905 г. на берегу озера. Жители города стали заниматься сельским хозяйством, чтобы избежать “организованного голода” – карточной системы. Надежную работу в годы войны имели только железнодорожники и местная бюрократия, занимавшаяся учетом и распределением продуктов, которые производили крестьяне окрестных деревень. Город Штарнберг имел собственный магистрат во главе с бургомистром и одновременно являлся центром сельского района, которым управлял назначаемый сверху окружной старшина – “бецирксамтман”. Этот пост к началу революции уже 15-й год занимал барон Штенгель, неоднократно становившийся предметом нападок баварской прессы за коррупцию и авторитарные методы правления.

Еще до того, как в Берлине пала империя Гогенцоллернов, власть в большинстве германских земель перешла в руки местных революционеров, спешно созывавших Советы рабочих и солдатских депутатов для ее легитимации. 7 ноября 1918 г. бежал из своего дворца король Людвиг III – последний из династии Виттельсбахов, правившей Баварией почти тысячу лет. 13 ноября 1918 г. Людвиг III отрекся от престола. Страна была провозглашена “свободным государством”. Это почетное звание Бавария носит и по сегодняшний день.

Во главе нового правительства встал левый социалист Курт Эйсер, начавший рискованную внешнеполитическую игру. Он опубликовал тайную дипломатическую переписку Германии, рассчитывая на то, что в ходе мирных переговоров страны Антанты будут относиться к Баварии как к независимому государству. Расчет не удался, равно как и ставка на поддержку со стороны Советов рабочих и солдатских депутатов.

³Die Niederwerfung der Raeteherrschaft in Bayern 1919. Im Auftrage des Oberkommando der Wehrmacht herausgegeben von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsamt des Heeres. Berlin, 1939.

⁴Многотомное следственное дело штарнбергских коммунаров сохранилось в фонде прокуратуры Государственного архива Баварии – Bayerisches Staatsarchiv (далее – BSA, Staatsanwaltschaft). Материалы о военных операциях находятся в Баварском военном архиве, входящем в Главный госархив – Hauptstaatsarchiv (далее – HSA Bayern, Kriegsarchiv). Ценное собрание архивных материалов о Советской Баварии опубликовано западногерманским историком и писателем Ф. Хитцером: *Hitzer F. Der Mord in Hofbraeuhaus. Unbekanntes und vergessenes aus der Baierischen Raeterepublik.* Frankfurt a.M., 1981.

Оказавшись в изоляции, Эйсер согласился на проведение парламентских выборов, которые закончились поражением его партии – независимых социал-демократов (НСДПГ). В момент передачи власти земельному парламенту (ландтагу) он был убит графом Арко – офицером крайне правых убеждений, считавшим, что, убив еврея Эйснера, он спасает родину от “еврейского большевизма”.

Убийство Эйснера 21 февраля 1919 г. открыло в Баварии эпоху двоевластия – наряду с Советами разных уровней в стране продолжали действовать исполнительные структуры старой власти, ориентированные на правительство социал-демократа И. Гофмана, избранное ландтагом. Их далеко не мирное сосуществование закончилось 7 апреля 1919 г., когда Совет рабочих и солдатских депутатов Баварии, в котором преобладали левые социалисты, объявил о принятии на себя всей полноты власти в стране, а кабинет Гофмана обосновался под защитой верных ему армейских частей в городе Бамберге 200 км севернее Мюнхена.

Противостояние сторонников советской и парламентской республики (причем и те, и другие считали себя социалистами) приобрело географические очертания: Южная Бавария стала “красной”, Северная – “белой”. Естественно, местные чиновники ориентировались на ближайший к их территории административный центр, однако главной проблемой в тех условиях был не избыток власти, а ее дефицит. налаженные механизмы управления рушились на глазах, потоки декретов и постановлений из Мюнхена и Бамберга не подкреплялись реальной демонстрацией “административного ресурса”.

Перед представителями активной части общества открылся шанс вторжения в политический процесс, реализации собственных представлений о справедливой власти, контролируемой снизу. Как правило, это были представители творческих профессий, функционеры рабочих партий и демобилизованные военнослужащие. Интерес историка традиционно ограничивается крупными городами, такими как Берлин или Мюнхен. Однако поиск альтернатив прогнившему режиму Гогенцоллернов шел повсеместно.

При этом местным активистам в условиях полного распада “вертикали власти” приходилось действовать на свой страх и риск. Объект нашего исследования, находившийся под боком баварской столицы, гордо именовал себя “Штарнбергской Советской республикой”: ситуация в этой республике развивалась по совершенно иному сценарию, нежели в революционном Мюнхене. Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство, которое отличает “взгляд снизу” от “взгляда сверху”. В первом случае историк имеет дело не столько с импульсами революционной эпохи, сколько с решением задач повседневной жизни – обеспечением населения продуктами, размещением солдат, возвращавшихся с войны, налаживанием контактов с вышестоящими органами власти.

Неизбежные в таких случаях компромиссы и отступления от идеологической стерильности трактовались в советской историографии как “соглашательство” и “оппортунизм” социалистов, продавшихся буржуазии. Им противопоставлялась негибкая воля большевиков (российских и иностранных), претворявших в жизнь “железные законы истории”. Бесплодность такого подхода не требует комментариев. Кто знает, может быть при “взгляде снизу” на ход российской революции 1917 г. откроются удивительные совпадения с событиями в небольшом баварском городке.

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

О том, что в Мюнхене идут последние приготовления к провозглашению Баварской Советской республики, штарнбергские социал-демократы К. Шлойсингер и М. Бургмейер узнали днем 6 апреля 1919 г. на земельном съезде СДПГ. После бегства правительства в Бамберг партия резко “полевела” и заявила о готовности поддержать советскую власть в том случае, если все три рабочие партии (СДПГ, НСДПГ и компартия Германии – КПГ) немедленно объединятся. Съезд решил отправить своих представителей

во все города Баварии, чтобы на следующий день провозгласить советскую республику синхронно по всей стране⁵.

Идея воссоединения всех баварских социалистов так и осталась благим пожеланием, а лидеры СДПГ после ряда колебаний отказались поддержать Советскую республику. Однако этого не могли знать депутаты съезда, разъехавшиеся по домам. Вернувшись в родной город, Шлойсингер и Бургмайер развернули кипучую деятельность. Вечером того же дня в гостинице “Дойчер кайзер” было созвано собрание активистов рабочих партий, которое приняло решение о переходе всей власти в Штарнберге в руки Революционного рабочего совета (Ревсовета). В него вошло 15 человек; фактически речь шла об исключении из существовавшего с ноября 1918 г. местного Совета “буржуазных элементов” и включении в него трех левых социалистов – В. Зиберта, А. Майера, А. Графа.

Председателем совета в его новом составе был вновь избран Шлойсингер – молодой человек 26 лет из обеспеченной семьи, проживавшей в Штарнберге. Пикантность ситуации заключалась в том, что получивший юридическое образование Шлойсингер в тот момент проходил стажировку в районной управе, а, следовательно, находился в прямом подчинении местной власти, которую ему предстояло свергнуть.

Облеченный советским мандатом, вчерашний стажер собрал утром 7 апреля 1919 г. весь состав районной администрации вплоть до сотрудников почтамта и объявил, что теперь они будут работать под контролем Ревсовета. Недовольных и саботажников не только немедленно уволят, но и выселят за пределы Штарнберга⁶. Долго уговаривать чиновников не пришлось – привыкшие подчиняться, они уже получили телеграмму из Мюнхена о провозглашении в Баварии Советской республики и распорядились отметить это событие в полдень колокольным звоном⁷. Вряд ли новая власть представлялась им хуже предыдущей – главное, что они сами пока оставались на своих местах, а с вышестоящим начальством, как и ранее, можно будет договориться.

Однако речь шла не просто о смене имен и названий. Первая прокламация Ревсовета информировала жителей Штарнберга об объединении местных групп социалистических партий. Захват власти в городе подавался как выражение воли трудящихся, которые встают на почву “революционно-коммунистического социализма и поручают своим представителям превратить требования пролетариата в законы”⁸. Ревсовет отмежеввался как от капиталистического прошлого, так и от своих собственных партийных лидеров в Берлине – “клики Эберта, Шейдемана и Носке, запятнавшей себя кровью рабочих”. Население призывали сохранять спокойствие, а крестьянам окрестных деревень сообщали, что никакого обобществления их собственности не планируется.

Члены Ревсовета стали ходить на работу в соответствующие органы местной администрации, хотя большинство из них ограничивалось пассивным присутствием на заседаниях. Право подписи было предоставлено лишь Шлойсингеру и Майеру, занявшему место городского бургомистра. Даже внешне произошедшие перемены не походили на установление в городе двоевластия, а тем более на его переход под контроль Ревсовета. Скорее это выглядело как неуклюжая попытка “поженить систему Советов” и имперский чиновничий аппарат⁹.

И все же постановления Ревсовета выходили далеко за рамки “районного масштаба”, во многом дублируя решения, принимавшиеся в Мюнхене. Речь шла об обязательной сдаче оружия теми, кто не является рабочим (для охотников, врачей и жандармов

⁵ Retzlaw K. Spartakus. Aufstieg und Niedergang. Erinnerungen eines Parteiarbeiters. Frankfurt a.M., 1971, S. 153.

⁶ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 98.

⁷ Ibid., Bl. 132.

⁸ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 8.IV.1919.

⁹ Выступая в марте 1919 г. на VIII съезде ВКП(б), В.И. Ленин критиковал германских левых социалистов, которые “хотят поженить систему Советов с учредилкой”. – Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158.

было сделано исключение). Любой, кто выражал сомнения в полномочиях нового органа власти, подлежал аресту. По всему району следовало немедленно провести переборы коммунальных советов. Улица кайзера Вильгельма была переименована в улицу Курта Эйснера.

Блок экономических постановлений открывал запрет для местных кафе подавать кофе с молоком (последнее предназначалось только для детей), а для трактиров – принимать заказ на более чем одно блюдо для каждого гостя¹⁰. Были снижены цены на говядину, стоимость которой за годы войны увеличилась в несколько раз. Серьезное значение имел опубликованный в том же номере газеты порядок проведения банковских операций: на текущие расходы предприятиям и сельским хозяевам деньги следовало выдавать без ограничений, но на счета капиталистов, равно как и на ценности, которые они хранили в банковских ячейках, налагался арест. Капиталистам разрешалось снимать не более 2800 марок в месяц, причем только с согласия Ревсовета.

Возникает вопрос, в какой мере столь радикальные постановления проводились в жизнь. Пресса сообщала только об одном акте реквизиции в первые дни правления социалистов – конфискованная на фабрике Видермана кожа была роздана местным сапожникам. Очевидно, Ревсовету пришлось столкнуться со скрытым саботажем районного аппарата управления. В ходе совместного заседания 10 апреля 1919 г. Шлойсингер провел перераспределение полномочий. Отныне именно он и Мейер первыми подписывали документы, а за чиновниками оставалось лишь право их визировать¹¹.

Последние одержали двойную победу – они избавляли себя от ответственности за радикальные меры революционной эпохи, и в то же время сохраняли руку на пульсе событий. Впоследствии Штенгель так выстраивал линию самооправдания: “Если нам удалось предотвратить наихудшее, то это было результатом одной лишь верности и выдержки чиновников, которые долгое время ничего не знали об уходе правительства и ландтага в Бамберг, поскольку никакая почта в Штарнберг не приходила”¹². Окружной старшина откровенно врал: отказ Гофмана сложить свои полномочия ни для кого не являлся секретом, об этом сообщалось в листовках, которые самолеты разбрасывали над территорией, подконтрольной советскому правительству. В тот момент решающее значение имел другой фактор: Бамберг был далеко, а Мюнхен – под боком.

В период существования первой советской республики в Баварии, продолжавшийся ровно одну неделю, Шлойсингер вел наступательную политику не только направо, но и налево. Ему удалось добиться решения Ревсовета о высылке из города лидера немногочисленной группы местных коммунистов – М. Штробля¹³. В результате Штарнбергская республика стала представлять собой реальное воплощение более позднего лозунга кронштадтских матросов: “За Советы без коммунистов”.

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Несмотря на внешнюю самостоятельность, штарнбергский Ревсовет продолжал свое существование только потому, что находился в тени Советской Баварии. Как только до города дошли слухи, что в “вербное воскресенье” 13 апреля 1919 г. верные Гофману воинские части овладели Мюнхеном, возмущенная толпа загрозила площадь перед ратушей, требуя ареста Шлойсингера¹⁴.

¹⁰ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung. 9. IV.1919.

¹¹ Ibid., 12.IV.1919.

¹² Из заявления Штенгеля в мюнхенскую прокуратуру от 12 мая 1919 г. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 99.

¹³ Штробль обвинялся в проведении “узкопартийной пропаганды”. Он отправился в Мюнхен, став наркомом юстиции и председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Советской Баварии, после ее падения получил семь лет тюремного заключения. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2234.

¹⁴ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 19/20.IV.1919.

Однако рабочие крупнейших заводов баварской столицы, находившиеся под влиянием коммунистов, оказали сопротивление путчистам, за которыми стояли лидеры земельной организации СДПГ. Бои с применением пулеметов и артиллерии развернулись в самом центре города, вокруг главного вокзала. Если руководители КПГ во главе с Е. Левинэ уклонились от участия в первой советской республике, то отказаться от власти после разгрома путча значило предать память погибших рабочих. Да и не было на тот момент в Мюнхене сил, способных удержать бразды правления в своих руках, альтернативой могло быть только возвращение бесславного правительства Гофмана.

Победа коммунистов не могла обрадовать Шлойсингера и его соратников. Ревсовет отмежевался от новых властей в Мюнхене, однако не сложил своих полномочий¹⁵. Более того, 14 апреля 1919 г. состоялась конференция местных групп СДПГ и НСДПГ, участники которой заявили о своем объединении в Революционно-социалистическую единую партию. Ее председателем стал Бургмайер, заместителем Зиберт, то есть объединение произошло на паритетных началах. В новых условиях штарнбергские социалисты стали готовиться к роли оппозиции, рассчитывая проводить тактику лавирования между мюнхенскими радикалами и местным чиновничьим аппаратом.

Чиновники перешли в наступление раньше коммунистов. Сославшись на сообщение из Бамберга о том, что только правительство Гофмана является единственной легитимной властью в Баварии, 16 апреля 1919 г. Штенгель объявил о разрыве всех отношений с Ревсоветом. Реакция Шлойсингера не заставила себя ждать: “Нас вынуждают сложить с себя наши полномочия, но мы не откажемся от контроля над властью”¹⁶. Совершив за декаду полный круг, политическая ситуация в Штарнберге вернулась к своему исходному моменту. Местные чиновники могли бы праздновать полную победу, если бы не развитие событий в Мюнхене, которое пошло по радикальному сценарию. Хитрый лис Штенгель попросил своего недавнего стажера не распускать Ревсовет, чтобы сохранить за собой свободу маневра.

КРАСНОГВАРДЕЙСКАЯ АТАКА НА ШТАРНБЕРГ

Слухи о бродящих по округе “спартаковских отрядах”, лишавшие сна почтенных бюргеров Штарнберга, были отнюдь не беспочвенными. В Верхней Баварии разворачивался процесс, который применительно к нашей стране в историографии СССР получил название “триумфальное шествие советской власти”. Как и в России, в Германии на местах утверждалась диктатура коммунистов. Сохранился отчет руководителя одного из отрядов – секретаря баварской КПГ Г. Каина о “советизации” соседнего со Штарнбергом района Вольфратсхаузен. Каин появился там 15 апреля 1919 г. вместе с вооруженным отрядом рабочих мюнхенской фабрики Маффей и демобилизованных солдат.

“Пришлые” встретили холодный прием даже со стороны местных социалистов и немногочисленных рабочих. Видя неблагоприятное для себя соотношение сил, Каин не решился провести разоружение жандармского участка. Провалилась и его ставка на перевыборы Совета, к которым на сей раз были допущены только “пролетарские элементы”. Новый состав этого органа ничем не изменился по сравнению с предшествующим¹⁷. Его представители первым делом потребовали освобождения из-под ареста окружного старшины, а также заняли общественные здания в Вольфратсхаузене, “чтобы те не попали в руки экстремистски настроенных пришлых элементов”. Локальный патриотизм в патриархальных предгорьях Альп оказался сильнее и классовой солидарности, и политических симпатий. Коммунистам оставалось рассчитывать только на

¹⁵ “Рабочий совет решил и в будущем придерживаться положений своей прокламации от 7 апреля и не предпринимать никаких шагов, которые низвергнут нас со связанными руками в пропасть”. – Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 14.IV.1919.

¹⁶ Ibid., 17.IV.1919.

¹⁷ Письмо Каина в Исполнительный совет Баварской Советской республики из Вольфратсхаузена от 20 апреля 1919 г. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2066, Bl. 49–50.

силу – в Мюнхен полетела депеша с просьбой прислать подкрепление ввиду “мелкобуржуазного патриотизма местного населения”.

17 апреля 1919 г. отряд Каина прибыл в Штарнберг. Сценарий захвата власти на сей раз был более жестким, нежели в соседнем районе. “Мюнхенские матросы”, как их стали называть в городе, объявили реквизированными несколько комнат в лучшем отеле города “Байришер Хоф” и установили на его террасе пулемет, чтобы держать под контролем железнодорожную станцию. Сразу же были разоружены полицейские и жандармы. В ночь на 18 апреля 1919 г. в тюремные камеры при местном суде были заключены три заложника – судья, учитель и чиновник пенсионного ведомства¹⁸.

Уже днем по всему городу была развешана прокламация Каина о немедленных пере выборах местного Совета. Чиновники, еще не оправившиеся от шока, провели экстренное заседание, на которое пригласили и Шлойсингера. Его буквально упрашивали вернуться к власти, иначе “город окажется полностью в руках у коммунистов”¹⁹. Вечером в трактире Майера, где обычно встречались социалисты, было созвано общее собрание рабочих Штарнберга. Каин первым делом поставил вопрос о том, готов ли Ревсовет сотрудничать с коммунистами, и получил отказ. Тогда он настоял на проведении новых выборов, которые дали предсказуемый результат – как и в Вольфратсхаузене, состав Совета не изменился, если не считать пяти человек, взявших самоотвод. Его вновь возглавил Шлойсингер, объявивший, что новоизбранный орган готов вторично принять на себя всю власть в городе и районе²⁰. Каждому члену Ревсовета выдали по револьверу с патронами, что должно было символизировать отказ от мягкотелости и компромисса первых 10 дней его существования.

На сей раз индальгенцией, которую выписали себе представители советской власти в Штарнберге, стало утверждение о “военной оккупации” города. В этих условиях они оказывались “всего лишь” коллаборационистами, что, конечно, не добавило им симпатий среди местного населения. Теперь уже чиновникам пришлось выступить в защиту “самозванцев”: общая угроза на какой-то момент сплотила вчерашних соперников. Бургомистр Треш, так и не снятый со своего поста, призвал горожан сохранять спокойствие, ибо любые протесты могут привести к гибели заложников: “Рабочий совет, благоразумию которого мы полностью доверяем, прилагает все возможные усилия, чтобы сгладить противоречия, избежать пагубного обострения ситуации и кровопролития. Его деятельность направлена на восстановление порядка, опирающегося на взаимный компромисс и доверие”²¹.

Через местную газету Шлойсингеру, который утром 17 апреля 1919 г. ездил в баварскую столицу, пришлось оправдываться, что “мюнхенские матросы” захватили город без его приглашения и ведома²². Исключать такой поворот событий, имея в виду, что глава советской власти в Штарнберге был неопытным и честолюбивым молодым человеком, нельзя. Но ему можно твердо верить в том, что затея с захватом заложников принадлежала “пришлым”. Шлойсингер воспротивился отправке арестованных в Мюнхен, заявив, что Ревсовет сам будет решать вопрос об их судьбе. Принятое 18 апреля 1919 г. постановление о заложниках звучало грозно: каждые пять дней следовало арестовывать пять новых заложников из числа лиц, оказывавших неповиновение новой власти. Однако уже 23 апреля 1919 г. Ревсовет принял решение об отказе от такой практики, пригрозив при этом, что за любое покушение на его членов своей головой будут отвечать 10 зажиточных граждан города²³.

¹⁸ По настоянию нового состава Ревсовета их освободили уже утром следующего дня. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 5.

¹⁹ Допрос Шлойсингера от 21.V.1919 г. – Ibid., Bl. 137.

²⁰ Участники нового состава Ревсовета в ходе следствия ссылались на то, что, “если бы мы не согласились, в Штарнберге вероятно возникла бы коммунистическая партия” – Ibid., Bl. 133.

²¹ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 22.IV.1919.

²² Ibid., 19/20.IV.1919.

²³ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 262.

Краткий визит Каина, на следующий день покинувшего Штарнберг, не оставил глубоких следов в жизни города. Скорее это была удавшаяся демонстрация силы мюнхенских коммунистов, и неудавшаяся попытка восстановить разрушенную “вертикаль власти”. Каин оставил в Штарнберге нескольких бойцов своего отряда во главе с матросом Зеффертом. Их пьянство и грабежи под прикрытием лозунга “анархия мать порядка” вызвали недовольство даже среди местных рабочих²⁴. Дело едва не дошло до перестрелки “местных” с “пришлыми”, но, в конце концов, последних миром выдворили из города обратно в Мюнхен²⁵.

Чтобы обезопасить себя от повторения подобного произвола, Ревсовет принял решение о формировании собственного рабочего ополчения. 24 апреля 1919 г. отставной матрос И. Виндль собрал всех холостых рабочих Штарнберга, ранее служивших в армии, и пообещал каждому вступившему в ополчение ежедневное жалование в 12 марок. Склад с оружием для ополченцев был оборудован в вилле “Цубан”. Ополченцы патрулировали улицы города, участвовали в обысках и реквизициях, арестовывали мародеров²⁶.

Вечером 22 апреля 1919 г. состоялось общее собрание членов Революционно-социалистической единой партии Штарнберга, в ходе которого прошли довыборы членов Ревсовета. Рутинная процедура закончилась внутривнутрипартийным конфликтом, который еще десять дней назад был бы межпартийным. “Независимцы” получили больше всего отводов, и Зиберт заявил, что они выходят из Совета. В ответ раздались голоса, что социал-демократы из большинства прекрасно обойдутся и без них²⁷. Очевидно, такое “поправение” в рядах социалистов было вызвано усталостью от революционной неразберихи, а также тем, что их мечты о власти трудящихся обернулись “военной оккупацией” города. Лишь на следующее утро Шлойсингеру и Бургмайеру, представлявшим социал-демократов большинства, с огромным трудом удалось уговорить своих левых соратников остаться в Совете²⁸.

Раскол германского рабочего движения, произошедший в годы Первой мировой войны, нельзя было ни отнести на счет радикалов-коммунистов, ни преодолеть формальным воссоединением низовых организаций рабочих партий. Это лишний раз доказывает короткая история Революционно-социалистической единой партии Штарнберга, которая и появилась на свет только благодаря тому, что местные социал-демократы слишком рано покинули земельный съезд своей партии. Рано или поздно Ревсовет Штарнберга превратился бы в местный парламент со всеми атрибутами партийно-политической борьбы. Альтернативой, как показывает уже не германская, а российская история, могла выступить только полномасштабная диктатура одной из партий. Но для этого ей нужно было пройти через горнило гражданской войны, которая весной 1919 г. разворачивалась в Германии по совершенно иному сценарию, нежели в Советской России.

СОЦИАЛИЗМ НА ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ КУРОРТЕ

Во время партийных дискуссий в ВКП (б) в середине 1920-х годов Карл Радек, известный своим сарказмом, отмечал, что сталинская фракция в руководстве партии, отказавшись от ставки на мировую революцию, собралась строить “социализм на одной, отдельно взятой улице”. Штарнбергский рабочий совет, руководствуясь логикой разви-

²⁴ Ibid., Bl. 5–6.

²⁵ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 22.IV.1919.

²⁶ В судебном деле сохранился недельный отчет о деятельности рабочего ополчения Штарнберга, найденный при обыске в квартире Зиберта. На 27 апреля 1919 г. в нем состоял 31 человек.

²⁷ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 133.

²⁸ Sitzung des Revolutionaeren Arbeiterrates am 23. April 1919. – Ibid, 2899/3. Bl. 27. Протоколы заседаний Ревсовета хранятся также в городском архиве Штарнберга (далее – Stadtarchiv Starnberg, RAR).

тия революционного процесса, был вынужден строить “социализм на одном, отдельно взятом курорте”, как бы комично это не выглядело²⁹.

Новая фаза деятельности Ревсовета, связанная с установлением в Мюнхене власти коммунистов, началась с переименований гостиниц и пароходов, которые все еще гордо прославляли германских кайзеров³⁰. 23 апреля 1919 г. свое единственное заседание провел Революционный трибунал Штарнберга, членами которого стали все члены Ревсовета. Трибуналу предписывалось “заменить мертвые параграфы свода законов естественным чувством справедливости, которым обладает каждый представитель нашего народа”³¹. Очевидно, у местных социалистов чувство естественной справедливости было развито слабо: граждане, не оказавшие должного уважения новой власти, отделались денежными штрафами и заключением на один месяц.

Второе заседание трибунала, назначенное на 29 апреля 1919 г., обещало быть гораздо более интересным. Наряду с мелкими нарушителями вроде трактирщика Бокберга, упорно предлагавшего своим посетителям кофе с молоком, перед судом должен был предстать бывший бургомистр Треш, которого обвиняли в использовании служебного положения для спекуляции продовольствием в годы Первой мировой войны. Следует отметить, что никто из представителей “бывших” даже не пытался скрыться от революционного правосудия районного масштаба. Лишь однажды в архивных материалах зафиксирован арест, проведенный в Штарнберге оперативной группой мюнхенской ЧК³².

Всех без исключения горожан интересовала иная сфера деятельности Ревсовета, причем богатых она повергала в ужас, а у бедных вызывала симпатии. Речь идет о практике реквизиций, которые регулярно проводились для того, чтобы обеспечить местное население продуктами первой необходимости. Вначале члены Ревсовета лично обходили предприятия, трактиры и богатые дома, фиксируя излишки. Затем туда отправлялись вооруженные отряды, которые забирали продовольствие. Впоследствии оно либо распределялось бесплатно среди нуждающихся, либо продавалось по фиксированным ценам. Так произошло с говядиной, обнаруженной на городской скотобойне. Член СДПГ В. Вальхер, до призыва в армию работавший кондитером, а с января 1919 г. – строительным рабочим, привез корзину яблок пациентам дома престарелых, который он опекал.

Особое возмущение помещиков и владельцев городских вилл вызывала конфискация их винных погребов. Потребовалось специальное разъяснение Шлойсингера, что вино, хотя и было приобретено его бывшими владельцами в свободной продаже, относится к товарам первой необходимости и не должно исключаться из конфискации. “То же самое относится и к консервированным фруктам. Пустые банки будут обязательно возвращены их владельцам”³³.

После падения советской власти в Штарнберге состоятельные граждане отправились выставлять счета за утраченное имущество, живописуя в прессе нанесенные им оскорбления. Доктор Зихерер жаловался, что из подвалов его поместья солдаты вытащили все, вплоть до варенья и маринадов. Хозяевам оставили лишь три бутылки вина и банку огурцов³⁴. После того, как Зихерер и его жена устроили скандал, коммунары

²⁹ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 8.IV.1919.

³⁰ Гостиница “Германский кайзер” была переименована в “Германский дом”; лишился своего названия любимый мюнхенцами пароход “Максимилиан”, курсировавший по Штарнбергскому озеру. – Ibid., 19/20.IV.1919.

³¹ Ibid., 26/27.IV.1919.

³² При аресте неназванный престарелый граф едва не лишился рассудка, но его все же забрали в Мюнхен. Однако обвинения в контрреволюционной агитации оказались безосновательными, и на следующий день его отпустили. – BSA, Staatsanwaltschaft, 3025.

³³ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 28.IV.1919. Вино продавалось в ратуше по одной марке за бутылку. Около 300 марок, вырученных в результате распродажи, члены Ревсовета передали вдовам погибших военнослужащих. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 28.

³⁴ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 6.V.1919.

Зиберт, проводивший реквизицию, раздал вино батракам, проживавшим в поместье³⁵. Те устроили пьянку и в течение трех дней не выходили на работу, за что педантичный доктор выставил особый счет штарнбергским коммунарам.

Еще одним направлением деятельности Ревсовета была пропаганда. Листовки и объявления в газете убеждали горожан в том, что никто не посягает на их трудовые сбережения, а крестьян – что их земля и скот не будут подвергнуты обобществлению. Местные социалисты брали под свою защиту и лидеров Советской Баварии, и местный гарнизон Красной Армии. “Вопреки повсеместно раздающимся голосам о том, что оккупационные силы из Мюнхена потребляют продовольствие, предназначенное для Штарнберга, настоящим доводим до сведения населения, что оба гарнизона питаются продуктами, привезенными из Мюнхена”³⁶.

Самым чувствительным ударом по престижу советской власти в Баварии была даже не нехватка продовольствия, из-за которого население балансировало на грани голода, а острейший дефицит наличности. Наркомом финансов Советской Баварии стал Т. Аксельрод – один из русских большевиков, прибывший в 1918 г. в Германию с дипломатическим паспортом³⁷. Мюнхенские коммунисты использовали любые каналы получения наличных денег вплоть до изъятия дневной выручки кинотеатров³⁸. Львиная доля собранных средств шла на содержание Красной Армии и зарплату служащим разбухавшего административного аппарата. Показательно, что лидер штарнбергских коммунистов Штробль отказывался ехать в Мюнхен, пока не получит от Ревсовета сумму в 150 тыс. марок для передачи товарищам по борьбе³⁹.

На просьбу Шлойсингера выдать ему деньги, чиновники в городской кассе ответили отказом, а идти напролом он не решился. Нерешительность была общей болезнью баварских коммунаров; сведения о ней доходили до Москвы: “у них денег нет и они боятся национализировать банки... Очевидно, они не только трусят и боятся принимать решительные меры, но и не знают, что им делать”, – писал В.И. Ленину полпред А.А. Иоффе⁴⁰.

В Штарнберге речь шла об оплате деятельности членов Ревсовета, которым было положено жалованье в 12 марок в день, а также о содержании рабочего ополчения. Майер, именовавший себя доктором наук, нашел выход в том, что стал продавать справки, которые избавляли от реквизиций и давали право на ношение оружия⁴¹. Полученные средства шли на зарплату членам Ревсовета. 28 апреля 1919 г. Майер съездил в Мюнхен и привез 4 тыс. марок для выплаты ополченцам, назвав их в расписке “красногвардейцами”. В тот же день в местном банке был заведен расчетный счет Ревсовета, на который поступили первые штрафы – 13 тыс. марок. Но воспользоваться этими деньгами руководители Штарнбергской коммуны уже не успели.

ГАРНИЗОНЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Генеральный штаб баварской Красной Армии располагался в здании военного министерства, куда в дни советской республики продолжали приходить на работу и служащие старого правительства. Штаб возглавлял двадцатитрехлетний старший матрос Р. Эгельхофер, который с 1917 г. отбывал каторгу за подстрекательство к бунту на корабле. Он был освобожден германской революцией, вернулся к себе на родину и стал одним из

³⁵ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 266. За это деяние Зиберт был приговорен судом к заключению не в крепость, как остальные, а в каторжную тюрьму.

³⁶ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 26/27.IV.1919.

³⁷ *Ватлин А.Ю.* Товий Аксельрод. – Вопросы истории, 2010, № 1, с. 33–49.

³⁸ BSA, Staatsanwaltschaft, 3124.

³⁹ *Seligmann M.* Aufstand der Raete. Die erste Bayerische Raeterepublik vom 7.IV.1919. Grafenau, 1989, S. 246.

⁴⁰ Письмо А.А. Иоффе В.И. Ленину о положении в Баварии от 5 марта 1919 г. – Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998, с. 137.

⁴¹ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 266.

основателей баварской КПП. В 20-х числах апреля 1919 г. командование Красной Армии начало разрабатывать план обороны Мюнхена в случае его окружения правительственными войсками. На южных рубежах ставка была сделана не на формирование сплошной линии фронта, а на создание сети опорных пунктов с гарнизонами. 23 апреля 1919 г. комендантом штарнбергского участка фронта был назначен отставной солдат Й. Винклер, два дня прослуживший адъютантом в штабе Эгельхофера. Винклер получил под свое командование отряд в 30 человек с несколькими пулеметами и тут же отправился в путь.

На следующий день в Штарнберге было расклеено совместное заявление Винклера и Шлойсингера о том, что рабочее ополчение и Красная Армия будут вместе отвечать за порядок и спокойствие в городе. Любое неподчинение военным властям, самовольные реквизиции или грабеж будут сурово караться. Однако долгожданного успокоения приход отряда Красной Армии не принес. В качестве базы отряда было избрано поместье в местечке Нидерпекинг к югу от Штарнберга, покинутое его владельцем, крупным предпринимателем Метцем. Красноармейцы тут же вскрыли кладовые и устроили буйное пиршество. Это напоминало поведение малосознательной части солдат в российской революции 1917 г. – “пьянство и иррациональное озлобление против чужих”⁴². Лишь на следующий день утром на подводах прибыла делегация из города, чтобы спасти хотя бы остатки продовольствия. До появления гарнизона Красной Армии Ревсовет принял решение о социализации владений Метца. Из поместья успели вывезти около тысячи бутылок вина, сотню яиц, сигары и консервы. Позже вернувшийся в свое поместье владелец определил нанесенный ему урон в 100 тыс. марок, включив в него помимо продуктов пропавшее столовое серебро и одежду⁴³.

Ставка коменданта Винклера в поместье Метца была не единственным опорным пунктом Красной Армии на территории Штарнбергского района. Небольшие отряды в 10–30 человек располагались в местечках Пекинг, Берг и Шэфтларн, расположенных по северному берегу озера по обе стороны от Штарнберга⁴⁴. Сложилась целая сеть гарнизонов Красной Армии, находившихся на расстоянии 5–20 км друг от друга и прикрывавших подходы к Мюнхену с юго-запада. Как правило, они располагались не в городах, а в монастырях и поместьях. Это облегчало решение вопроса пропитания и избавляло от конфликтов с местными жителями. В судебных делах красноармейцев сохранились пачки расписок о реквизиции “для нужд фронта” лошадей, фуража, велосипедов, запчастей к ним, и даже нательного белья.

В тех местах, где красных гарнизонов не было, лидеры советской власти вели себя тихо и осторожно, даже если сами являлись коммунистами. Так, председатель рабочего совета в коммуне Хершинг А. Висмайер неоднократно жаловался председателю ЧК Штроблю на то, что советская власть в Штарнбергском районе существует лишь формально. Он требовал ареста Штенцеля и отставки Шлойсингера, претендуя занять место последнего⁴⁵. Однако до таких мелочей руки руководителей Советской Баварии не доходили.

Территория к югу от Мюнхена выглядела как сеть опорных пунктов красных на фоне практически не затронутого революцией католически-патриархального пространства. Города, подобные Штарнбергу, могли бы стать точками роста революционных настроений, но для этого были необходимы как минимум два условия. Во-первых, готовность к толерантному диалогу между красным Мюнхеном и выборными советскими органами на местах. Во-вторых, время для его налаживания. Ни того, ни другого у коммунистических лидеров Советской Баварии не было.

⁴² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010, с. 250, 256. Автор отмечает, что “в переломные моменты истории все определяет агрессивное начало, малопривлекательные носители которого выступают историческим воплощением того возмездия, которое заслужила старая система”. – Там же, с. 220.

⁴³ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 133–134, 266.

⁴⁴ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 3/4.V.1919.

⁴⁵ BSA, Staatsanwaltschaft, 2273.

КОНЕЦ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Последний номер районной газеты советской эпохи содержал обращенный к трудящимся призыв выйти на первомайский праздник, сообщал о предстоящей реализации очередной партии конфискованного вина в ратуше⁴⁶.

Между тем, кольцо вокруг Советской Баварии неуклонно сжималось: к концу апреля 1919 г. ее территория ограничивалась только ближайшими к Мюнхену районами. В состав наступавших войск белых входили как регулярные армейские части из Пруссии и Вюртемберга, так и фрайковцы со всех частей Германии, набранные из ветеранов Первой мировой войны. Правительство Гофмана демонстрировало непричастность к происходившему; командование военной операцией было поручено генерал-лейтенанту Овену. Майор фон Питров, один из активных участников этой операции, подчеркивал ее показательный характер: “Основной мыслью при планировании операции против Мюнхена было создание многократного перевеса сил для наступления, чтобы руководители Красной Армии сразу же убедились в бессмысленности сопротивления, и концентрическое сжатие кольца со всех сторон, чтобы в кратчайший срок добиться решающей победы”⁴⁷.

Для того чтобы добраться до баварской столицы, белым предстояло пройти через десятки небольших городков и предместий, стоявших на линиях железных и шоссежных дорог. Именно им предстояло принять на себя первый удар тщательно спланированной экзекуции, которая должна была поставить точку в хронике “революционной смуты”. Потерпев поражение на полях Первой мировой войны, кайзеровские генералы и офицеры спешили отыграться на собственном народе, чтобы войти в историю победителями.

Руководители Штарнбергской коммуны понимали, что наличие в городе и окрестностях гарнизонов Красной Армии обрекает коммуну на уничтожение. Шлойсингер отдал распоряжение рабочему ополчению об отказе от сопротивления наступающим войскам и отправился в Мюнхен. Согласно его показаниям в ходе следствия, Эгельхофер лично пообещал ему не вести оборонительных боев в городе, чтобы избежать потерь среди мирного населения⁴⁸. Однако таких обещаний в отношении всего побережья Штарнбергского озера главнокомандующий Красной Армии дать не мог.

Первые боевые столкновения в этом районе произошли 28 апреля 1919 г., когда на станции Тутцинг высадился добровольческий корпус полковника Эппа с приданной ему артиллерией⁴⁹. Красноармейцы из гарнизона Винклера взорвали рельсы на железной дороге, ведущей из Тутцинга в Мюнхен, и заняли оборону. Винклер, едва узнав о приближении белых, отправился за подмогой к Эгельхоферу, оставив своих бойцов на произвол судьбы. Те мужественно сражались, однако на стороне противника был не только серьезный материальный перевес, но и боевой опыт. Наступление вела бригада вюртембергского фрайкора. На подступах к деревне Пекинг ее обстреляли из пулеметов, и вюртембергцы, подтянув артиллерию, оттеснили красных на станцию Поссенхофен. Прижатые к берегу озера, те вступили в свой последний бой, в ходе которого было убито 11 красноармейцев, еще трое взяты в плен и расстреляны на следующий день⁵⁰.

К исходу дня подступы к Штарнбергу все еще оставались в руках красноармейцев. Ночью на городской вокзал прибыл поезд с серьезным подкреплением – Винклер привез из Мюнхена 100 бойцов при двух орудиях и десятке пулеметов. Согласно протоколам его допросов, он не допустил их разгрузки, а сам помчался в поместье Метца, где застал картину полного разгрома. Прихватив с собой несколько картин, белье, хозяйский костюм, “комендант штарнбергского участка фронта” в семь утра вернулся к своим войскам. Ввиду явного перевеса сил противника, он отбыл со своим гарнизоном

⁴⁶ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 28.IV.1919.

⁴⁷ Pitrov Ritter von. Gegen Spartakus in Muenchen und im Allgaeu. Muenchen, 1937, S. 89.

⁴⁸ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 138.

⁴⁹ Die Niederwerfung der Raeteherrschaft in Bayern 1919, S. 103–104.

⁵⁰ Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 3/4.V.1919.

в Мюнхен, где припрятал награбленное, получил в военном министерстве причитающееся жалование и скрылся из города⁵¹.

Однако в боевых донесениях белых, которые к концу дня 29 апреля 1919 г. сообщили в штаб операции об освобождении Штарнберга, речь не шла о бескровном восстановлении старой власти. Вюртембергские части докладывали о том, что в ходе боя убито 27 спартаковцев, а наступавшие не понесли никаких потерь⁵². Согласно докладу фрайкора под командованием Зойтерса, в Штарнберге было расстреляно на месте 37 захваченных в плен спартаковцев⁵³. Белые действовали с особой жестокостью.

В тот же день развернулись бои и к востоку от Штарнберга, в местечке Шэфларн. Первую атаку красноармейцы, державшие оборону в монастыре, отбили. Подтянув артиллерию, белые ворвались за монастырские стены. К десяти убитым добавилось еще девять плененных солдат, которых расстреляли на месте⁵⁴. Правительственные войска в очередной раз рапортовали, что в их составе потерь нет⁵⁵. Через несколько дней в соседнем местечке Гrefельфинге без суда и следствия были расстреляны 53 русских военнопленных, завербованных в баварскую Красную Армию⁵⁶. “Освобождение” Штарнберга стало прелюдией к кровавой бойне, которая развернулась в Мюнхене в начале мая 1919 г.⁵⁷

Уже к вечеру 29 апреля 1919 г. в руководство Советской Баварии детально знало о том, что произошло на южных подступах к Мюнхену (нельзя исключать, что из устного донесения Винклера, если он остался сражаться вместе со своим отрядом). По всему Мюнхену были расклеены плакаты, сообщавшие, что в Штарнберге произошла жестокая бойня. Сообщалось об убийстве от 4 до 15 безоружных санитаров-красноармейцев, о расстреле 68-летнего старика, выразившего непочтение белым⁵⁸. В последние дни своего существования Баварская Советская республика находилась в состоянии внутреннего развала (27 апреля 1919 г. ее Исполнительный совет покинули коммунисты), однако все еще продолжала действовать.

В ход пошли патриотические лозунги, в том числе и призыв “сбросим прусское господство!”. Публикация сообщений о зверствах белых позволяла рассчитывать на максимальное пропагандистское воздействие – выбора не было, оставалось сражаться до последнего патрона. Даже если расстрелы произошли не в самом Штарнберге, имя популярного курорта было на слуху у каждого мюнхенца. Листовки произвели необходимый эффект. На следующий день глава ЧК М. Штробль потребовал арестовать 100 заложников – “я добьюсь, чтобы за каждого санитаря нашей Красной Армии было расстреляно по заложнику, причем в каждого из них должны стрелять двое русских”⁵⁹. Не меньшее ожесточение охватило и рядовых красноармейцев. Без приказа сверху были расстреляны активисты праворадикального общества “Туле”, содержавшиеся в одной

⁵¹ Впоследствии Винклер был задержан. В ходе следствия выяснилось, что он совершил несколько уголовных преступлений и находился на излечении в психиатрической больнице. Однако Винклер был признан вменяемым и приговорен к семи годам заключения. – BSA, Staatsanwaltschaft, 3064/1, Bl. 74, 88.

⁵² HSA Bayern, Kriegsarchiv, RWGrKdo 4, Akte 27.

⁵³ Ibid., Akte 461. Данные о расстреле лиц, сложивших оружие, подтверждаются другим источником. Когда фрайкор “Швабия” под командованием майора фон Питров 1 мая 1919 г. высадился на вокзале в Штарнберге, находившиеся там военнослужащие вюртембергских частей рассказывали, что захваченных в плен после военно-полевого суда ставили к стенке. – *Pitrov Ritter von*. Op. cit., S. 83.

⁵⁴ Die Niederwerfung der Raeteherrschaft in Bayern 1919, S. 111.

⁵⁵ HSA Bayern, Kriegsarchiv, RWGrKdo 4, Akte 27.

⁵⁶ *Волленберг Э.* В рядах баварской Красной Армии. М., 1931, с. 116–119.

⁵⁷ Наиболее полная статистика жертв “освобождения” баварской столицы содержится в книге Гумбеля: 475 человек. – *Gumbel E.* Vier Jahre politischer Mord. Berlin, 1922.

⁵⁸ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/4.

⁵⁹ Штробль имел в виду русских военнопленных, привлеченных к службе в баварской Красной Армии. См. показания свидетелей по делу Штробля. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2234.

из казарм рабочего ополчения⁶⁰. Один из лидеров Советской Баварии анархист Э. Мюзам позднее писал, что это убийство было прямым следствием сообщений о том, что в Штарнберге белые поставили к стенке 30 пленных⁶¹.

Слухи правили бал и на другой стороне баррикад классовой борьбы. Расстрелянные в гимназии Луитпольда контрреволюционеры были превращены в безвинных заложников, над телами которых надругались жестокие спартаковцы. Почтенные бюргеры отказывались верить в то, что на это были способны баварцы, настаивая на том, что в руководстве Советской Баварии были только пруссаки, евреи и русские. Писатель Т. Манн, находившийся в те дни в Мюнхене, записал в своем дневнике: «Большинство коммунистически настроенных рабочих впало в депрессию после того, как были разрушены их надежды на “приход русских”. Убийство заложников, как говорят, было совершено русскими военнопленными или при их содействии»⁶².

“Зачистку” в Штарнберге проводили не только военные, но и молодые люди из “почтенных семейств”, образовавшие гражданское ополчение. В отличие от солдат из Вюртемберга, они прекрасно знали местных революционеров, с которыми еще накануне раскланивались на улице. Согласно официальной версии событий, наступавшие войска арестовали в городе “25 местных коммунистов”⁶³. Очевидно, среди них было большинство членов Революционного рабочего совета, в том числе Шлойсингер и Майер. Правда, в ходе следствия они утверждали, что добровольно явились в штаб военных.

К числу “красных легенд” можно отнести утверждение руководителя первой советской республики в Баварии Э. Толлера о том, что в Штарнберге были расстреляны все 20 членов местного совета. Среди них был и старый социал-демократ, которого поставили к стенке по ошибке. Он, прочитав телеграмму Гофмана из Бамберга с требованием не подчиняться советским властям, заявил на заседании совета, что покидает его: “Товарищи, я чиновник, железнодорожник. У меня семья. Я не имею права рисковать, не могу остаться без хлеба. Я выхожу из рабочего совета”⁶⁴.

30 апреля 1919 г. в городе прошел митинг, организованный активистами буржуазных партий, которые никак не проявляли себя вот уже несколько недель. Наряду с благодарностями освободителям, раздавались призывы беспощадно искоренить “красные банды”, покусившиеся на самое святое⁶⁵.

Редакционный комментарий газеты к развернутому протоколу митинга добавлял новые штрихи в картину произошедшего: “Оплачиваемое безделье – вот то, что привело многих в сети спартаковцев”. Каждый, кто брал в руки оружие и надевал красную повязку, должен был знать, что его ожидает. Резолюция, принятая на митинге, предпо-

⁶⁰ Среди расстрелянных была одна женщина и один мужчина, непричастные к деятельности общества, что стимулировало появление легенды о “зверствах красных”. Историк И. Фест, которого трудно обвинить в левых симпатиях, выражал недоумение по поводу того, что бесчинства правительственных войск были забыты, а расстрелянные солдатами заложники “остались в общественном сознании еще на много лет одной из тщательно пестовавшихся устрашающих картин”. – *Фест И. Гитлер. Биография. Путь вверх*. М., 2009, с. 178. Эта легенда играла существенную роль в политической борьбе в Баварии в годы Веймарской республики и стала идеологическим постулатом “третьего рейха”, но так и не получила своего документального подтверждения.

⁶¹ *Literaten an der Wand. Die Muenchner Raeterepublik und die Schriftsteller*. Frankfurt a.M., 1980, S. 200.

⁶² *Mann Th. Tagebuecher 1918–1921*. Frankfurt a.M., 1979, S. 221. Под “приходом русских” Т. Манн подразумевает наступление российской Красной Армии на Центральную Европу, слухи о котором курсировали среди мюнхенского пролетариата и после подавления Советской республики. – *HSA Bayern, Kriegsarchiv, RWGrKdo 4, Akte 252*.

⁶³ *Die Niederwerfung der Raeteherrschaft in Bayern 1919*, S. 105.

⁶⁴ *Толлер Э. Штурм голода. Воспоминания и наброски*. М., 1926, с. 31. Успешный поэт и драматург, Толлер в своем публицистическом творчестве явно ориентировался не на историческую правду, а на революционную необходимость.

⁶⁵ *Land- und Seebote. Starnberger Zeitung*, 3/4.V.1919.

лагала создание комиссии по расследованию революционных событий в городе, в которую на паритетных началах должны были войти представители буржуазных и рабочих партий.

Не меньшую активность проявили и социал-демократы. На их собрание вечером 30 апреля 1919 г. пришло всего 35 человек: они дружно отказались от идеи “единой партии” и заявили, что “независимцам” и коммунистам путь в СДПГ закрыт навсегда. О том, что Ревсовет фактически являлся органом местной партийной организации, предпочитали не вспоминать. Излишне говорить о том, что районные чиновники во главе с бароном Штенгелем и бургомистром Трешем, счастливо избежавшим революционного трибунала, начали свой первый рабочий день с выражения глубочайшего почтения военным властям, на несколько недель ставшим новыми хозяевами Штарнберга.

СЛЕДСТВИЕ И СУД

Первые допросы арестованных членов Ревсовета прошли в здании Штарнбергского районного суда 3 мая 1919 г. Затем дело было передано в прокуратуру Мюнхена. Поскольку Бавария все еще находилась на осадном положении, материалы следствия в ускоренном порядке готовили к передаче в военно-полевой суд. Линия защиты обвиняемых была легко предсказуемой – Шлойсингер и его товарищи заявляли в один голос, что провозгласили советскую республику по настоятельной просьбе местных чиновников, а по отношению к коммунистам вели буквально подрывную работу, находясь в постоянном контакте с руководителями районной управы и магистрата⁶⁶. Запросы в адрес последних еще больше запутали следователей. Бургомистр Треш в письме от 10 мая 1919 г. сообщал, что Ревсовет своими действиями не нанес городу никакого ущерба. В таком же духе был выдержан и ответ Штенгеля, который подчеркивал, что Шлойсингер неоднократно возвращал владельцам реквизированные вещи, но самое главное, вернул оружие местным полицейским⁶⁷.

Судебный процесс по делу руководителей Штарнбергской Советской республики состоялся 11–14 июня 1919 г. На скамье подсудимых оказалось 15 человек – ровно столько, сколько входило в состав Революционного рабочего совета. Среди них была одна женщина – В. Рейтмейер, которая отвечала в совете за распределение молока среди детей. Большинство подсудимых, судя по представленным суду биографическим справкам, было моложе сорока лет, демобилизовалось в конце 1918 г. и до момента избрания в Совет перебивалось случайными заработками. Социал-демократ Вальхер так объяснял мотивы своего решения идти в политику: “Физический труд изнурял меня, как только я узнал, что в рабочем совете платят жалованье, я посчитал работу там более легкой и спокойной и дал согласие быть избранным”⁶⁸.

Мюнхенским обывателям, на первых порах жаждавшим крови коммунистов, уже порядком надоела военная оккупация города, в ходе которой они успели привыкнуть к обвинительному уклону правосудия победителей. Пресса выказывала симпатии Шлойсингеру: “То, что столь молодому человеку предъявлено обвинение в государственном преступлении, можно объяснить только бурным развитием событий в первые дни мая”⁶⁹. Прокурор в своих речах дословно приводил рассказы штарнбергских помещиков об унижениях и грабежах, перечислял суммы денежных штрафов, однако так и не смог доказать, что хотя бы малая часть из них была украдена⁷⁰. Суд не согласился и с тем,

⁶⁶ BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/1, Bl. 39.

⁶⁷ Ibid., Bl. 91, 98–100.

⁶⁸ Вальхер отвечал в штарнбергском Ревсовете за дом престарелых и кладбище; он был оправдан судом. – Ibid., Bl. 14.

⁶⁹ Muenchener Nachrichten, 16.VI.1919.

⁷⁰ Деньги, полученные Майером в качестве платы за освобождение от реквизиций, прокурор посчитал украденными, хотя они были внесены в банк на счет Ревсовета, о чем свидетельствовала расчетная книжка, приложенная к судебным материалам – BSA, Staatsanwaltschaft, 2899/3.

что обвиняемые использовали свое положение для личного обогащения. В обосновании приговора было отмечено наличие аморальных мотивов только в действиях Зиберта, который в ходе реквизиций пугал обывателей арестом.

Шлойсингер был приговорен к 2 годам заключения в крепости. Суд учел заступничество районных чиновников и юный возраст председателя штарнбергского Ревосовета, но в качестве отягчающего обстоятельства отметил, что обвиняемый был начинающим юристом и должен был отдавать отчет в незаконности своих действий. Максимальный срок заключения – 6 лет получил Майер. Главная вина революционного бургомистра Штарнберга заключалась в том, что он занимался добыванием денег для оплаты рабочего ополчения. Еще шесть подсудимых получили от года до трех лет тюрьмы; остальные были освобождены.

В ходе процесса возник вопрос и о роли местных чиновников в дни баварской революции. Штенгелю пришлось давать показания на суде в качестве свидетеля, но он так и не признал своего соучастия в провозглашении советской республики. Защита прямо обвиняла окружного старшину в том, что он подставил под удар молодого и неопытного Шлойсингера, и требовала присоединить его к пятнадцати обвиняемым⁷¹. Престарелый барон, как и полагается прожженному бюрократу, в очередной раз вышел сухим из воды и удержался у власти в Штарнберге до своей смерти в 1925 г. После оглашения приговора он даже перешел в контрнаступление, заявив прессе: “если бы мы трусливо покинули наши учреждения в ответ на произвол революционеров, это привело бы к полному хаосу и непоправимому ущербу для города и района”⁷².

* * *

Упоминаний о “Советской республике” мы не найдем ни в одном из красочных путеводителей, посвященных Штарнбергу или альпийским предгорьям Баварии. Однако в истории ничего не исчезает бесследно. Остались здания отелей, где квартировали “красногвардейцы” во главе с Каиным, остались протоколы заседаний Революционного рабочего совета, но самое главное – опыт поиска альтернативных форм политической власти.

У читателей наверняка возникнет вопрос: правомерно ли называть апрельские события 1919 г. в маленьком курортном городке Баварии “советской республикой”, а тем более “коммуной”. В марксистско-ленинской историографии последнее понятие было прочно связано с Парижем 1871 г., а в идеологическом плане – с коммунизмом. Сами же коммунары выступали в роли почти идеальных созданий, “готовых штурмовать небо” не считаясь с собственной жизнью⁷³. Существует и иное толкование слова “коммуна”, прочно прижившееся в русском языке. Этим словом в западноевропейских странах называют местные территориально-административные единицы, построенные на основах самоуправления.

Детальный анализ событий в Штарнберге приводит к выводу о том, что мы имеем дело не с коммунистической (в отличие от Мюнхенской советской республики), но, безусловно, с коммунальной революцией. Ее отличительными чертами стали “умеренность и аккуратность”, а ее лидерами, включая Шлойсингера – лица, весьма похожие на грибоедовского Молчалина. Вряд ли они заслужили ярлыки “предателей” и “оппортунистов”, которые навешивали на них леворадикальные критики со времен Коминтерна. “Большие революции”, где бы они не происходили – в Париже, Петрограде, Берлине или Мюнхене – освобождали население далеких и близких провинций от оков старой системы и открывали перед ним шанс строительства новой жизни, пусть даже в формах, весьма далеких от установок революционного авангарда. Такое освобождение давало возможность проявить себя социальным группам, считавшим себя несправед-

⁷¹ Muenchener Nachrichten, 16.VI.1919.

⁷² Land- und Seebote. Starnberger Zeitung, 16.VI.1919.

⁷³ Из письма К. Маркса Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. – *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 33, с. 172.

ливо обделенными при распределении материальных благ и политического влияния. В России это были рабочие первого поколения, в Германии, что подтверждает и опыт Штарнберга – ветераны Первой мировой войны, как правило, отнюдь не пролетарского происхождения. “Взгляд снизу” показывает, что в этой категории лиц хватало и идеалистов, и проходимцев⁷⁴, а вести арифметические подсчеты их соотношения на различных этапах революции и в различных странах – дело неблагодарное и бесперспективное.

Революционная волна, добравшаяся на места, пробудила от спячки и служителей “старого режима”. Можно не сомневаться в том, что последние имели в запасе стратегии индивидуального спасения, хотя и не собирались сдаваться без боя. Штарнбергские чиновники были прекрасно информированы о том, кто к ним едет с отрядом вооруженных рабочих и что им это принесет. Отказавшись от фронтального столкновения с новой властью Мюнхенского совета (при неясных слухах о сохранении на севере Баварии некоего подобия “опричнины” в лице правительства Гофмана), они сделали ставку на локальный патриотизм и выстраивание линии размежевания между “местными” и “пришлыми”.

В результате в Штарнберге произошло то, что немцы называют “бегством вперед”. Провозглашение Советской республики сопровождалось колокольным звоном и переименованиями улиц, как требовали из Мюнхена, однако на деле эта республика стала формой самоизоляции города и района (в который входило 12 коммун). Более того, новая власть в лице Революционного рабочего совета находилась в личной унии с чиновничьим аппаратом, который временно предпочел отойти на второй план.

Действия членов штарнбергского Ревсовета походили на поведение маленьких детей, которых посадили за руль автомобиля. Здесь были страх и восторг, но не было компетентности и уверенности. То, что всем в этом органе заправляли люди с высшим образованием, сути дела не меняло. Подобрав власть, валявшуюся на городской мостовой, местные социалисты действовали точно так же, как и мюнхенские коммунисты, которые 13 апреля 1919 г. были вынуждены возглавить Баварскую Советскую республику. Для того чтобы завершиться компромиссом, германская революция хотя бы в чем-то должна была пойти дальше него.

События в Штарнберге вплоть до его захвата правительственными войсками развивались по восходящей линии. Если в первые 10 дней своего существования Ревсовет во многом играл роль марионетки при старых чиновниках, то впоследствии его члены почувствовали вкус власти. В 20-х числах апреля 1919 г. в городе сложилось настоящее двоевластие. Решающее значение в изменении соотношения сил имел кратковременный приход в Штарнберг отряда красногвардейцев, показавший зажиточным горожанам, что их собственные революционеры – “цветочки” на фоне мюнхенских “ягодок” – фанатичных коммунистов и суровых матросов.

С точки зрения и тех, и других, Штарнбергская республика была “мнимой”. Но и сами коммунисты в период своего нахождения у власти в Мюнхене не сделали ничего для того, чтобы превратить рабочие советы в органы революционной власти. И в баварской столице, и в маленьких городках типа Штарнберга или Вольфратсхаузена перевыборы советов разных уровней проводились неоднократно, однако не приводили к желаемому результату. Оставался только путь жесткой партийной диктатуры, пролетарский характер которой проявлял себя в Советской Баварии не больше, чем в Советской России.

Можно лишь строить предположения о том, как развивались бы в дальнейшем отношения между коммунистическим Мюнхеном и провинциальными органами самоуправления, если бы Мюнхен сумел отразить натиск “северян”. Вопрос “кто – кого” был бы

⁷⁴ Г. Каин в письме соратникам из тюрьмы от 1 августа 1919 г. давал социологический портрет людей подобного типа. Он писал о “внутренней деморализации и коррупции специфической группы пролетариев, которые в годы войны жили торговлей из-под полы, и после ее окончания стали рассматривать политику в качестве еще более доходного предприятия, как только до них дошли слухи о деньгах из-за границы”. – BSA, Staatsanwaltschaft, 2874, Bl. 59.

решен силой, Штарнберг пережил бы новую атаку красновардейцев, в результате которой местные чиновники в зависимости от собственной прыткости отправились бы кто в тюрьму, кто в Швейцарию, а во главе местного совета оказался бы вернувшийся из “почетной ссылки” баварский чекист Штробль.

Реальность была иной: революционный конфликт развивался отнюдь не по классово-партийной линии, а по уже упоминавшейся схеме противостояния “местных” и “пришлых”, что не обещало ему благополучного разрешения. События в Штарнберге показывают, сколь значительную роль сыграла эта схема в революционную эпоху. Историкам революции, как германской, так и российской, стоит обратить внимание на ее пространственное измерение, отнюдь не сводящееся к субъектной роли центра и объектной – периферии. Многочисленные коммуны и республики районного масштаба, возникавшие в тот момент, являлись следствием не столько распада старой власти, сколько поиска достойных альтернатив, который не мог идти иначе, как только “снизу”. Этот поиск редко проходил в условиях идеологической стерильности, как это было в Штарнберге, откуда изгнали единственного активного коммуниста. Местная пресса и лидеры Ревсовета ни разу не ссылались на опыт развития российской революции, не говоря уже о прибытии в город мифических “большевистских эмиссаров”. Тем большего внимания заслуживает история создания местными функционерами СДПГ и НСДПГ Революционно-социалистической единой партии. В расколе рабочего движения они видели “ахиллесову пяту” германской революции, в его преодолении – шанс ее победы. Не случайно идею единой рабочей партии возьмут на вооружение в 1945 г. коммунисты Восточной Германии, а ее реализация станет основой сорокалетнего существования ГДР.

Существуют и иные сюжеты, связывающие “микроисторию” Штарнбергской коммуны с долговременными тенденциями германской истории XX в. Упомянутый локальный патриотизм и местечковая замкнутость, ставшие непреодолимым препятствием на пути революции, пережили Веймарскую республику и были выжжены “железом и кровью” только в период господства национал-социалистов⁷⁵. Последним удалось обернуть в свою пользу миф о “зверствах красной Баварии”, хотя именно чрезмерное насилие белых при “освобождении” Мюнхена и его окрестностей стало одной из причин того, что значительная часть рабочего класса на протяжении всего периода существования первой немецкой демократии не верила в ее созидательный потенциал.

Творцы “советской власти” в Штарнберге и других баварских городах пытались опереться на элементы прямой консультативной демократии, издавна существовавшие в германском обществе, и пережившие кратковременное возрождение в период “бархатных революций” 1989–1990 гг.⁷⁶ Однако новые органы самоуправления оказались слабой заменой чиновничьему аппарату, вышколенному в годы второй империи. Будучи “революционерами поневоле”, члены штарнбергского Ревсовета без поддержки извне не имели шансов одержать верх в противостоянии с чиновничеством. Их многократные заявления об отставке свидетельствовали не только о понимании этого обстоятельства, но и в более широком плане – о страхе умеренных социалистов перед “бременем власти”⁷⁷.

Установление прочной связи с Мюнхеном, где правили коммунисты, исключалось не только из идеологических соображений. Штарнбергу пришлось бы встраиваться в “вертикаль советской власти”, что ставило крест на мечтах местных активистов о самостоятельном политическом творчестве. Социальные мероприятия Ревсовета вызывали не только недовольство богатых (что нашло свое отражение в материалах судебных дел), но и рост симпатий у бедных (что крайне трудно проследить по источникам).

⁷⁵ *Фрай Н.* Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М., 2010, с. 163–164.

⁷⁶ *Weil F.* Raete im Deutschen Reich 1918/1919 – Runde Tische in der DDR 1989/1990. – Deutschland Archiv, 2011, Н. 2, S. 261–268.

⁷⁷ *Miller S.* Buerde der Macht. Die deutsche Sozialdemokratie 1918–1920. Duesseldorf, 1978.

Однако для превращения подобных симпатий в стабильную политическую поддержку нужно было нечто большее, чем создание “единой партии”. Нужно было решиться на радикальную ломку традиционной системы управления на местах – или не называть себя революционером.

Для “третьего пути германской революции”, о котором так много спорили в западногерманской историографии 1960–1970-х годов⁷⁸, при таком соотношении сил оставалось не слишком много места. “Взгляд снизу” показывает, что чиновники отнюдь не собирались ни сотрудничать с новой властью, ни тем более выполнять роль “революционных служащих”. Показное “умывание рук” местным управленческим аппаратом являлось лишь утонченной формой его саботажа, бороться с которым “революционеры поневоле” не хотели и не могли. Позже военно-полевой суд учел их “умеренность”, приговорив руководителей штарнбергского Ревсовета к небольшим срокам заключения, несмотря на показательный характер процесса, широко освещавшегося в прессе.

Реальная картина революционных событий в одном отдельно взятом баварском городке заметно отличается от тех идеализированных образов германской революции, которые существовали в советской историографии. Отодвигая на второй план идейные и партийные конфликты, историк искал в источниках “революционную повседневность”, которая нередко вырастает из противостояния личных амбиций и политической наивности, с одной стороны, подлости и коварства – с другой.

Объединение “местных” социалистов и чиновников против “пришлых” радикалов позволило уберечь Штарнберг и от анархии революционных низов, и от военных разрушений со стороны правительственных войск. Непонятно, почему об этом так не любят вспоминать нынешние власти города. Может быть, потому, что Штарнбергская коммуна, как и Советская Бавария в целом, представляются им некоей тупиковой ветвью развития, не оставившей никакого следа в современности. Но историки знают, что процесс общественной эволюции всегда шел методом проб и ошибок.

⁷⁸ Kolb E. Die Arbeiterraeete in der deutschen Innenpolitik 1918–1919. Frankfurt a.M., 1978.